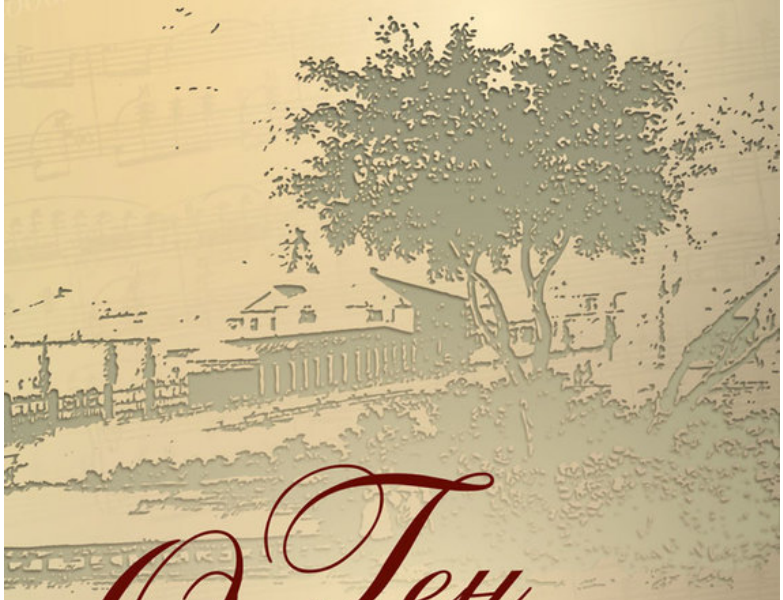
Иво Залуский



Ген Огинского

Иво Залуский
Ген Огинского

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22303665
Ген Огинского / Иво Залуский: Издательство «Четыре четверти»;
Минск; 2015
ISBN 978-985-7103-94-2

Аннотация

В книге Иво Залуского – британского музыканта и музыковеда, прапраправнука известного политического деятеля и композитора Михала Клеофаса Огинского – рассказывается о его легендарном предке, о династии Огинских, многие представители которой оставили заметный след в европейской истории и культуре. Автор продолжал заниматься исследованиями родословной, и в книге появилась новая версия генеалогического древа.

Второе издание «Гена Огинского» дополнено материалами из архивов Национального исторического музея Республики Беларусь, Музея истории театральной и музыкальной культуры Беларуси, музея-усадьбы М. К. Огинского в Залесье, личного архива автора.

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 22
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Иво Залуский
Ген Огинского

Перевод с английского

2-е издание, дополненное

© Залуский Иво, 2006, 2015
© Перевод. Плютов В. С. (гл. 1–9), Ноздрина В. А. (гл. 10–16), 2006
© Оформление. Издательство «Четыре четверти», 2016

MKS

Иво Залуский. Рисунок М. Сикорского

Глава 1
Кратким именем нареченный

Сентябрь 1992 г.

Проезжая мимо знака, указывающего направление на Ивонич-Здруй, курорт в Прикарпатье на юго-востоке Польши, я почувствовал любопытство, смешанное с благоговейным страхом. С 1837 года в Ивониче находилось имение Залуских. В то время мой прапрапрадед Кароль Теофил Залуский перевез туда свою семью и начал эксплуатировать богатые природные источники, берущие начало на лесистых холмах. Меня назвали в честь имения Ивонич или скорее в честь прадяди с сомнительной репутацией, получившего свое имя от того же имения. При крещении в деревянной сельской церкви меня нарекли уменьшительным именем, чтобы рассеять нехорошую славу старого негодника. Этой надежде не суждено было сбыться – по крайней мере, в Польше: когда я был совсем маленьким ребенком, в мою страну пришли немцы и русские и стали делить ее на части. Рано утром 4 сентября 1939 года родители подняли меня с кровати, и мы отправились в бега. Лишь теперь, спустя десятилетия, наша семья, представители которой живут сейчас в Польше, Англии, Франции, Швейцарии и Дании, стала предпринимать различные действия, чтобы юридически

оформить возвращение собственности, отнятой у нас коммунистами после Второй мировой войны.

Я воспитывался и учился в Англии, англизировался и женился на англичанке. В августе 1968 года мне довелось побывать в Польше в качестве туриста и увидеть, как громыхающие танки двигались на юг на подавление Пражской весны Дубчека. Вырвавшись на день из Кракова, я из любопытства заехал в Ивонич.

Красивый центр, действующий курорт, хорошие санатории, красивые места вокруг. Возле дома своего отца – шестнадцатикомнатного деревянного особняка с верандами и наружными лестницами, располагавшегося на густо заросшем холме, с которого была видна вся деревня, я щелкнул фотоаппаратом – уйти без снимка было бы просто неприлично…

С годами приходит потребность оглянуться, обратить взгляд в прошлое, чтобы заново осмыслить жизненные ценности. Достойно ли я носил свое краткое имя, данное при крещении? Можно ли сказать, что имя Иво и искупление грехов – синонимы? Итак, я почувствовал, что должен перенестись в туманное и далекое прошлое – к своим корням. Может ли мое наследие, которое столь долгое время оставалось лишь смутным видением в сознании, вновь стать реальностью? Я стал скупать календари, в которых рассказывалось о польских художниках, приобрел компакт-диски Карловича и Шимановского, нашел в букинистических магазинах книги Сенкевича в оригинале и принялся подправлять свой за-

пущенный и нередко искаженный польский язык. Свою жену Памелу я попросил добавлять укроп чуть ли не во все ее блюда. Мне удалось купить старую карту Польши XVIII века – в те времена она простиралась от Балтийского моря до Украины. Я вставил ее в рамку и повесил в гостиной. Затем отыскал приветствие Падеревского, когда-то подаренное мне за хорошее исполнение «Революционного этюда» Шопена на школьном концерте, тоже вставил в рамочку и повесил его рядом.

Я отредактировал семейное генеалогическое древо, на составление которого мой отец потратил немало лет с тех пор, как вернулся в Польшу в 1970-е годы. Первые сведения о нашем роде датируются 1435 годом. У меня в воображении стали возникать эпические семейные саги. Романтика, приключения, герои, злодеи – все были в наличии и все было реально. Генерал Юзеф Залуский, приговоренный русскими к смертной казни в 1849 году за участие в революционных событиях; Анджей Залуский, краковский епископ и страстный библиофил, в честь которого сооружены часовня и бюст, находящиеся в Вавельском костеле; его брат Юзеф – он добавил свои книги к собраниям Анджея и помог создать крупнейшую в мире и одну из лучших библиотек в Варшаве XVIII столетия; импозантный Кароль Теофил Залуский, женившийся на загадочной княжне Амелии Огинской, с чьей помощью ему удалось сделать Ивонич фешенебельным водным курортом Восточной Европы. В моем роду я также об-

наружил мальтийских рыцарей, папских прелатов, воинов и типичную горсть злодеев – среди последних значится и старый Иво. О нем, кстати, мало что известно, если не считать передаваемых из уст в уста дурных историй.

Словом, есть материал для целого повествования.

Я решил показать Памеле землю своих предков и проехать по следам Шопена, рассчитывая, что в перспективе мои изыскания закончатся написанием книги о путешествиях композитора. Маршрут нашей поездки прошел через Гожув, Торунь, Краков и повторил путь Шопена из Варшавы до курорта Душники на чешской границе, точно задокументированный самим композитором. Конечно же, не пропустили Ивонич.

Памела Залуская, 1960 г.

Мы въехали в Польшу через Франкфурт-на-Одере. Рискуя получить одобрение у молодых бритоголовых пруссаков, громко ратующих за возвращение территорий, переданных Польше после войны. Замечу, что я почувствовал себя на земле предков только за Гожынем, на полпути между Франкфуртом и Познанью. Лишь тогда меня стали охватывать смешанные чувства. Сначала показалось, что Польша та же, что и в 1968 году. Унылая картина все тех же мрачно-серых высотных домов, вокруг неухоженная трава с лысыми проталинами, тяжелый воздух. И все же чувствовалась разница. Ушли в прошлое бесконечные лозунги, прославляющие рабочий класс. Появились обнадеживающие признаки развития частного предпринимательства, стало больше цвета и рекламы, больше фантазии – и это скрашивало монохромную мрачность. По улицам все также с дерганьем двигались «фиаты», грузовики и автобусы изрыгали вонючий черный дым. Вместе с тем стали встречаться «мерседесы», БМВ и «ауди», на которых носились с сумасшедшей скоростью, игнорируя всякую опасность. Думаю, это переливалась через край энергия нуворишей. Я желал им добра и надеялся, что, как только эйфория от вновь приобретенного богатства пройдет, они станут спокойнее. Позже мне стало известно, что многие иномарки – ворованные: их украли в Германии и Дании и продали по дешевке в Польше. Сейчас ими управля-

ли те же люди, которые до этого выдавливали из своих дергающихся, заправляемых 86-м бензином «фиатов» скорость 60 км/час.

Кроме того, легче стало найти место, где перекусить. Появились очень дешевые, зачастую отличные рестораны, а у дорог как грибы выросли разные закусочные. Вы можете подкрепиться борщом с мясными пирожками, потом вам подадут жаркое из свинины с лапшой и свеклой в сметанном соусе, причем все будет густо приправлено укропом. Перед мясным блюдом можно попробовать овощные салаты, на столе у вас будет также ржаной хлеб. Есть возможность заказать приличное пиво марки «Жывец» и кофе. Правда, во время еды, даже если единственными клиентами в зале будет супружеская пара средних лет, путешествующая по следам Шопена, обязательно звучит музыка в стиле рэп, и вам волей-неволей приходится ее слушать. Вообще, присутствие шума было невообразимым. На полную мощность ревели музыкальные центры, в одной и той же комнате работали два телевизора или показывали видео; уличные музыканты (не поверите – чилийцы!) состязались с ритмами техно-рока, доносившимися из магазинов. Лично я не переношу рэп и техно-рок, хотя и стал бы защищать (правда, не до последнего вздоха!) права любого, кто желает понаслаждаться этими творениями в тишине своего дома или в наушниках, причем, само собой разумеется, чистых тридцати ватт мощности вполне бы хватило. И все же, что за напасть обру-

шилась на уши народа, сделав их неспособными воспринимать громыхание и реагировать на него?

Варшавяне любят повторять, что наилучший вид на Варшаву открывается с крыши Дворца культуры и науки, поскольку это единственное место в городе, с которого самого Дворца не видно. Из нашего номера на 23-м этаже гостиницы «Форум» мы могли отлично видеть Дворец культуры и науки, который возникал под покровом коричнево-серой загрязненной атмосферы, словно «Затонувший собор» Дебюсси, окутанный пеленой морского тумана. Это примечательное здание, «подарок Сталина», пожалуй, являет собой самый яркий пример сталинско-бруталистского стиля архитектуры в Восточной Европе. Фактически оно мне даже нравится, хотя я признаю, что данное сооружение мешает видеть Варшаву такой, какая она есть. Впрочем, может быть, это не так уж и плохо, ведь Варшава – бетонные джунгли, обаяние которых вы особенно чувствуете, проезжая автомобильные развязки. Красота и история – они там внизу, но вы должны знать, где именно, и не обращать внимания на выхлопные газы. Мне постоянно приходилось напоминать себе, что нацисты на четыре пятых стерли Варшаву с лица земли. Может быть, моя память, словно предохранительный клапан, недостаточно прочно закрепила этот факт, и он наполняет меня скорее печалью, нежели гневом. Почему наши враги так нас ненавидят?

С помощью десятизлотовой банкноты удалось уговорить

портье отеля разрешить нам ставить «вольво» в течение трех дней в «зарезервированном» месте прямо у входа (это дешевле, чем на официально охраняемой стоянке). И вот мы садимся в машину, чтобы в потоке выхлопных газов автомобилей направиться на поиски тени Шопена. Найти ее не представляло труда: в Бельведерском дворце, восстановленном салоне Шопена, дворце Острожских, костеле Святого Креста и так далее.

Мои предки также бывали там. Мы узнали, что костел Посещения Пресвятой Девы Марии в Краковском предместье, где Шопен играл на органе, был освящен в 1761 году епископом Анджеем Залуским. Я захотел сфотографировать здание – правда, с тех пор оно было перестроено, – в котором Шопен якобы сыграл свой последний концерт в Варшаве в 1829 году. Теперь это правительственное учреждение, до этого там размещался Купеческий зал, а еще раньше – дворец Залуских. Небритый служитель помахал мне рукой и, указав на фотоаппарат, закричал: «*Verboten!*»[1]. Однако манера произношения этого слова помешала достичь желаемого эффекта: тут нужна была прусская интонация. Поэтому я не обратил на него внимания и сделал несколько снимков. Он пожал плечами и ретировался.

Следы Шопена помогли открыть нам альтернативную культуру Польши: замкнутую и неуверенную в себе, мечтающую о великих свершениях и безденежную. Хорошо об-

[1] Запрещено (нем.) – здесь и далее примечания переводчика.

разованные и культурные мужчины и женщины, затерявшиеся в дерзком новом мире, из чьих уст часто слышны слова «рынок», «стимулирование», «рекламирование» и подобные, хотя, что за ними стоит в реальности – им, пожалуй, неясно. Нас, авторов новой книги «Шотландская осень Фредерика Шопена», принимали как почетных гостей, и по большому счету мы не испытывали никаких неудобств. Салон Шопена во дворце Красинских был специально открыт для нас. На фортепианном концерте в Желязовой Воле близ Варшавы, месте рождения Шопена и национальной святыне, мы были в упоении от собственной значимости. Обществу Шопена во дворце Острожских пришлось немало потрудиться, чтобы изыскать связи, объединявшие Шопена и Залуских в Варшаве. Нас гостеприимно пригласили в имение Санники, где Шопен жил подростком. В Антонине управляющий лично провел нас к величественному дворцу, великолепному восьмиугольному охотничьему домику Радзивиллов, в котором Шопен жил и давал уроки игры на фортепиано двум княгиням Радзивилл. Сейчас здесь гостиница, ресторан и место проведения концертов и ежегодных шопеновских фестивалей.

Шопена чтят в Польше, интерес к нему постоянно растет. Есть ли надежда, что будущее не только за Микки Маусом и королевским бургером? Наверное, но это обойдется недешево. Пока же следы Шопена лишь умощены камнем.

Так куда же движется земля моих предков? Предком из

какой земли стану я сам? Я не разделяю кулуарного оптимизма политиков и эмигрантов-поляков, назойливых прогнозов посткоммунистической прессы. Пройдет пять, десять, двадцать лет, твердят они, и свободнорыночная Польша станет такой, как Западная Европа. Упаси Боже! Западная Европа – западная по сущности, ее образуют послевоенные составляющие. Составляющие Восточной Европы появятся из эпохи посткоммунизма, и я не рискну предположить, что за зверь получится в результате.

Но вернемся к Ивоничу. Первое, что мне предстояло сделать, – это посмотреть на него более внимательно, чем в 1968 году. Буду ли я сам участвовать в эволюционном процессе? Захочется ли мне жить там? Или же я просто буду выдаивать из государства все, что мне нужно? В конце концов, так делают многие другие – почему же не примкнуть к массам и не участвовать в дойке вместе с их лучшими представителями? Итак, какова же будет моя роль, задал я себе вопрос, минуя дорожный указатель на Ивонич. Я буду выступать в качестве глубокоуважаемого аристократа, возвращающегося в лоно своего народа, чтобы истребовать наследство, или в качестве проклятого западника, который приехал с целью приватизировать Воды и всех поувольнять? Трудившаяся в поле бабулька, с которой я разговорился, поцеловала мне руку, когда узнала, кто я, и обратилась ко мне с титулом, который давно исчез. Подвыпивший владелец паршивой гостиницы «Святовид», которая опозорилась бы даже на окраинах како-

го-нибудь Каракаса, пал на колени и, целуя руки моей жены и благодаря ее за доброту и понимание (почему именно эти качества пришли ему на ум, мы так никогда и не узнаем), стал слезно просить прощения за то, что в соседнем покое расположились шумливые коммерсанты, за море мертвых мух под окнами, за рваные занавески, за кутеж вчера ночью и за то, что вода (солоноватая и черноватая) появлялась из крана лишь изредка. Он со слезами добавил, как ему стыдно перед графом за ужасное поведение наших современных соотечественников.

Ивонич оказался дырой, повергшей меня в шок и уныние. Коммунистический брутализм и миниатюрный рай сосуществовали в ужасающей дисгармонии: запущенные дома лежащей внизу деревни, неровно уложенные тротуары с пробивающимися через них сорняками, зеленеющие холмы, застроенные навевающими тоску коробками новых домов, деревянные лачуги, превращенные в закусочные, где подавали пиво, кофе, жирные сосиски и чипсы, а также магазины, где дух свободного предпринимательства едва присутствовал. В неряшливом магазине сувениров, уставленном недосягаемыми стеллажами с почтовыми открытками, торговали две угрюмые девушки с каменно-безразличными лицами. Единственный ресторан в Ивониче представлял собой бетонный блок со всеми прелестями буфета, который можно было увидеть году этак в 1950-м на лондонском вокзале «Кингз-Кросс». Заказать можно было только тарелку жир-

ного тепловатого супа журек с фрикадельками и несъедобный гамбургер. С завтраком все обстояло нормально – ржаной хлеб, масло, стакан горячей воды и пакетик с чаем нельзя быстро испортить. Мы с неудовольствием следили за разношерстной, неряшливой и раздражительной публикой, потреблявшей пиво, пока весь стол не был заполнен пустыми бутылками.

Среди этого пролетарского рая расположен центр городка, он предназначен только для пешеходов и, следовательно, избавлен от вонючих выхлопных газов, облако которых постоянно висит над подъездными дорогами. Во благо трудившихся там обладателей членских партийных билетов за ним постоянно ухаживали, благодаря этому он не изменился со времен моего отца и, словно алмаз, украшал собой город. Красивые аллеи, над которыми доминирует оригинальная деревянная часовая башня, вьются там меж взращенных заботливыми руками цветочных клумб, разбитых среди зеленых лужаек и рядов кустарника. Везде красивые, как на открытках, деревянные дома с высокими фронтонами и декоративными балюстрадами, напоминающие архитектурный стиль Новой Англии. С вершины холма на этот совершенно романтический уголок глядел великолепный, окруженный деревьями отель «Под пихтой». Местный кинотеатр располагается в изысканном миниатюрном концертном зале, который вы вряд ли видели где-либо еще. Широкие, выложенные плиткой дорожки ведут к санаториям, ванным и лечебным

корпусам, разбросанным среди густо засаженных деревьями холмов за деревней. Вне сомнения, управление курортом налажено хорошо, и это делает честь польскому здравоохранению. Сейчас, когда обладателей членских партийных билетов несколько поубавилось, Ивонич начинает двигаться назад в своем развитии. Воспользоваться благами курорта могут позволить себе немногие из поляков.

Приятно прогуляться вечером среди этой идиллии, если бы не одно обстоятельство: из помпезного кафе «Краковяк» вовсю гремела рок-музыка, хорошо слышная и в долине, и на холмах. Качество звука хорошее, цены вроде бы умеренные, но большинство из тех, кто вдыхал насыщенный живительным бальзамом воздух, были либо хворыми людьми, либо пожилыми, либо на каталках. Как хотелось отыскать спокойный уголок!

Мы посетили Бельведер. Дом моего отца, когда-то прекрасно меблированный, бывший воплощением элегантности и хорошего вкуса, в основном благодаря моей матери, сейчас являл собой пустой каркас. Несколько невозмутимых девочек-подростков подметали двор и убирали мусор под руководством добродушной суетливой женщины лет за тридцать. Дом отдали кулинарной школе, пока не закончился срок аренды и его стали возвращать государству, которое, как меня уверили, не нашло ему никакого дальнейшего применения. Уборщиками оказались директриса школы и ее ученики. Директриса с радостью показала свое хозяйство и даже

предложила мне забрать этот дом обратно, тем более что теперь он, как оказывается, никому не нужен. Мы осматривали Бельведер не меньше часа. Я старался обнаружить призраков, но их не было. Я стоял в углу веранды – там, где меня впервые сфотографировали ребенком на руках у матери: мама, улыбаясь сияющей и гордой улыбкой, сидела на диване, покрытом огромным цветастым покрывалом, и гордо покачивала новорожденного сына, словно сообщая ему движение вперед, к уготованной самим именем миссии. И вот я на том же месте, снова фотографируюсь, стараясь поймать что-нибудь из далекого прошлого. Однако призраки молчали.

Я взял себе как сувениры два выцветших польских флага и герб с белым орлом. На орлиную голову снова вернули корону, упраздненную коммунистами. Слишком много сточных и талых вод утекло под мостом… Наверное, я просто оставлю все как есть.

Глава 2
Страна в хаосе

В Варшаве на западном берегу Вислы, взгромоздившись на утесе, расположился Королевский замок. На площади перед ним возвышается памятник королю Сигизмунду III – пожалуй, самая яркая достопримечательность польской столицы. К югу – самое оживленное место в Варшаве, Краковское предместье, с костелами, дворцами, университетом и государственными учреждениями. От замка удаляются улицы Сенаторская и Медовая: на обеих выстроились правительственные здания, бывшие когда-то роскошными дворцами богатых магнатов. К северу от замка высится собор Святого Яна, а перед ним находится просторная Рыночная площадь старого города. После 1945 года практически вся Варшава была кропотливо восстановлена из руин, в которые она превратилась по приказу Гитлера, гласившего, что «на берегах Вислы более никогда не должен жить ни один поляк».

За два столетия до этого, в ноябре 1764 года, по холодным, вымощенным булыжником улицам Варшавы с грохотом проносились экипажи богачей, спешивших из одного дворца в другой в нескончаемом водовороте приемов, часто свидетельствовавших о распутной жизни. Большинство экипажей были запряжены на русский лад – четырьмя ло-

шадьми, которые неслись так, словно жизни и конечности людей из уличной толпы для них почти ничего не значили. Толпа включала иногородних и иностранцев, которые только способствовали разрастанию армии нищих и обездоленных крестьян, прилепивших, словно пиявки, свои хижины к пышным дворцам господ. Все съехались в Варшаву на коронацию короля Станислава Августа.

Королевский замок в Варшаве

Станислав Понятовский, который родился в Волчине 17 января 1732 года, наследником польского престола не считался. Отцом его был генерал Станислав Понятовский. Бу-

дущий король – весьма красивый и воспитанный мужчина, способный своей душевностью, остроумием и непринужденностью в общении зачаровывать всех, в том числе иностранцев, готовился служить своей стране в качестве дипломата. В бытность секретарем английского посла в Санкт-Петербурге молодой Станислав завоевал сначала внимание, а затем и постель великой княгини Екатерины. В то время он не мог и предположить, как это поспособствует карьере: ведь в 1762 году его возлюбленная немка стала российской императрицей Екатериной II, впоследствии прозванной Екатериной Великой. Грядущий королевский титул Станислава Августа всецело станет результатом ее интриг. Согласно продиктованной Екатериной инструкции будущему королю следовало делать только одно: сохранять прежнее статус-кво, царившее в Речи Посполитой в течение последнего столетия при саксонских королях, то есть сохранять хаос и реакционность.

Польско-литовская уния – Речь Посполитая – внешне походила на огромное феодальное королевство, если не учитывать то обстоятельство, что власть короля в нем не была наследственной. Речь Посполитая являла собой спаренное государство – союз Польского Королевства (Короны), включавшего большую часть Украины, и Великого Княжества Литовского (Литвы), которое в основном занимало территорию нынешних Беларуси (большая часть территории которой в те времена, собственно, и называлась Литвой) и Литовской Республики (эти земли тогда имели название Жмудь).

Это сообщество фактически управлялось дворянами-шляхтой, которые составляли десять процентов населения. Среди шляхтичей встречались не только сказочно богатые магнаты, чьи прихоти возводились в ранг законов на землях принадлежавших им огромных поместий, но и обедневшие «крестьяне из дворян», многие из которых служили на какой-нибудь «беловоротничковой» должности у своих богатых сородичей. Торговля или всякие иные спекулятивные занятия были по традиции категорически запрещены и отданы в руки евреев. Польского среднего класса фактически не существовало, а крестьяне, порабощенные магнатами, почти все прозябали в самой жалкой бедности.

В унии титулы никому не присваивались. Поскольку все магнаты имели связи с той или иной иностранной державой, будь то Россия, Пруссия или Австрия, любые принадлежавшие им титулы, например граф или князь, были пожалованы из-за границы. Магнаты говорили по-французски и на языке своих иностранных покровителей – польский язык был предназначен исключительно для крестьян. Согласно польской Конституции короля на пожизненный срок избирали магнаты. Они выслушивали «совет» российского посла в посольстве на улице Медовой, которое фактически играло роль Дома правительства Польши. Кто бы ни занимал российский престол, посол служил рупором его политики по всем вопросам, включая решения, кого избрать на трон Речи Посполитой. Идея этой необычной, но удобной системы заключалась

в том, чтобы не позволить какой-либо одной династии стать слишком могущественной и, таким образом, оказаться способной самой диктовать свою волю магнатам. Как правило, королей выбирали из-за рубежа, главным образом из Германии, и, следовательно, заручались удобным и долговременным альянсом. Многие знатные европейцы тоже стремились стать обладателями польского королевского сана, как поступают ныне многие воротилы бизнеса, стремящиеся заполучить теплое директорское кресло после ухода в отставку.

Работа короля состояла в том, чтобы подчиняться воле русских самодержцев и не мешать своим магнатам вести роскошный и гедонистический[2] образ жизни. Благосостояние государства, как политическое, так и экономическое, в списке приоритетов занимало далеко не первое место. Будь ситуация другой, магнаты, наверное, превратились бы в поместных рыцарей, но в то время они гораздо больше предпочитали охоту, музыку и увеселения, нежели сражения. Образование также не считалось чем-то обязательным, если не говорить о некоторых просвещенных кругах общества. Чтобы подготовиться к жизни в стратосфере польского общества, мальчикам нужно было научиться развлекать гостей, ездить верхом и охотиться, а девочкам – танцевать, шить или играть на клавесине.

Комплектовать армию для короля, как в большинстве феодальных или полуфеодальных государств, не входило в обя-

[2] От hedone (греч.) – наслаждение.

занности магнатов. В военное время огулом сгоняли крестьян, вооружали их косами и другими предметами сельскохозяйственного инвентаря, обладающими смертоносными возможностями, и как пушечное мясо, массами бросали против гораздо лучше вооруженного и натренированного врага из соседних государств. К любым проблемам относились с рыцарской беспечностью, полагаясь на Бога: он-де в конечном итоге повернет все как надо.

Сказать, что уния эффективно функционировала как государство, трудно. Сейм, то есть парламент, скорее представлял собой говорильню для магнатов, предлог собраться вместе, побалагурить, расслабиться и хорошенько выпить. В этом контексте самыми подходящими семействами магнатов считались Радзивиллы, Огинские, Залуские из Литвы, а также более просвещенные Чарторыйские, Сапеги и Потоцкие. В одно время даже ходила поговорка: «С Чарторыйским живите, с Радзивиллом – пейте, с Огинским – ешьте, с Жевуским – сплетничайте». Такая философия определяла все приоритеты сейма. Он собирался раз в два года в Варшаве или Гродно, чтобы выбрать новых членов, а также обсудить и попытаться принять новые законы. Законы, правда, принимались весьма редко, так как действовало закрепленное в Конституции правило *liberum veto*, согласно которому для принятия новых законов требовалось единогласие. Если же какой-либо один шляхтич решил сказать «нет», закон не проходил. Такое положение дел вполне устраивало магнатов,

которые не хотели терять свой уютный, столь оторванный от реальности мир.

Иностранные державы также устраивало, чтобы Речь Посполитая оставалась спокойным, малодееспособным и второстепенным краем и выполняла роль удобной буферной зоны, минеральные, сельскохозяйственные и человеческие ресурсы которой можно было бы нещадно эксплуатировать. Державой унию никак нельзя было назвать, даже если опираться на туманную преднационалистическую концепцию мироустройства в Европе XVIII века. В стране говорили не только по-польски, но и по-белорусски, по-украински, по-литовски, по-волынски, по-рутенски, по-словацки, на идиш и немецком. Особенно щеголеват был французский, язык общения всех магнатов, представлявших все сферы иноземного влияния. Четыре шрифта – латинский, кириллический, готический и еврейский – символизировали четыре основные религии: католическую, православную, протестантскую и иудейскую.

Тем не менее этот плавильный котел наций не плавился, чего, впрочем, и не требовалось. В этом государстве толерантного и апатичного апартеида все разнообразные народы, религии и культуры сосуществовали, причем не так уж несчастно. В городах Великой Польши, то есть в северо-западной части Польши, на некоторых улицах по одну сторону жили поляки, по другую – немцы, так что для общения можно было даже не переходить дорогу. Деление на проте-

стантов-немцев и католиков-поляков мало что значило для жителей балтийского побережья Померании, где немецкоговорящие католики прочно укоренились в польскую паству и имели не слишком много общего со своими одноязычниками, жившими южнее. Не исключено, что какой-нибудь деревенский житель-католик вплоть до смертного своего одра никогда не переступал порога домов православной деревни в 5 километрах от его собственной и никогда не разговаривал с ее жителями. Евреи также нашли в Польше пристанище, их широко эксплуатировавшиеся предпринимательские качества – умение продавать и покупать – высоко ценились, однако социальные контакты с ними не поощрялись. Кстати, в истории есть примеры, когда за Польшу воевали целые еврейские батальоны. Как это ни парадоксально, но лучшие польские фольклорные ансамбли состояли из евреев.

О территориальной целостности фактически говорить не приходилось, ибо пруссаки, русские, австрийцы, французы, итальянцы и турки – все пересекали страну вдоль и поперек и эксплуатировали ее, не боясь вмешательства государства. Магнаты, в основной своей массе, шли навстречу их пожеланиям, если видели в перспективе какие-либо выгоды для себя.

24 ноября 1764 года Станислав Понятовский произнес свою исповедь и выслушал мессу в костеле Святого Креста в Краковском предместье. Назавтра, в день святой Екатерины, он в церемониальном облачении проследовал в костел

Святого Яна, где епископ львовский короновал его на короля польского и великого князя литовского Станислава Августа. После коронации в королевском замке состоялся банкет, за ним последовали еще четыре дня торжеств, в течение которых варшавяне от всей души пировали, танцевали и веселились в корчмах на Медовой улице, во дворцах Краковского предместья или Саксонском парке при свете тысяч украшавших его фонариков. Торжества закончились мессой в том же костеле Святого Креста, после чего король возвратился в свой замок и увидел скрывавшиеся за блеском торжеств запущенность, скудное убранство и небогатую меблировку своей официальной резиденции. Каменная кладка во многих местах стала разрушаться, крыша протекала, и во многих покоях жить просто было нельзя.

Король Станислав Август Понятовский. Художник И. Лампи

В замке Станислав Август увидел все свое королевство в миниатюре. Он решил, что вырождение Польши, ее хроническая апатия должны быть остановлены, страну надо заставить проснуться, чтобы, пусть с опозданием и со скрипом, втащить ее в XVIII век.

В Краковском предместье, на месте, где когда-то стоял дворец князя Тадеуша Огинского, теперь высится отель «Европейский». Тадеуш Огинский родился в 1711 году, его жена Изабелла Радзивилл принадлежала к сказочно богатому литвинскому княжескому роду. Этот брачный союз дал двух сыновей – Андрея и Францишка Ксаверия. Князь Тадеуш был воеводой в Троках (Тракае), что к западу от Вильно – столицы нынешней Литвы Вильнюса. Он поддерживал распространившуюся тогда идею о неславянском происхождении польской шляхты: согласно этой теории предками шляхтичей были сарматы, древнее воинственное племя, жившее в Причерноморье, которое вторглось в Восточную Европу в VI веке. Дух такой сарматской элитарности и собственной значимости во многих кругах был признаком истинной «польскости», защитой от стереотипов поведения западноевропейцев, особенно французов, которых считали пижонистыми и изнеженными типами. Шляхетский этикет требовал, чтобы голова была частично выбрита, но хотя прическа напоминала панковскую, в стиле «последний из могикан», одежда выглядела безупречной и строгой.

Портрет князя Тадеуша Огинского. Художник К. Минтер

Князь Тадеуш оставался верным Станиславу Августу, когда тот еще только претендовал на польский трон. И вот сейчас обремененный колоссальными задачами монарх причислил его к близкому кругу своих друзей и соратников. Король следил за воспитанием сыновей Тадеуша, особенно внимательно он относился к Андрею, в уме и проницательности которого видел надежду на воплощение своих планов строительства новой Речи Посполитой.

Князь Андрей Огинский родился в 1739 году и получил воспитание, достойное будущего государственного деятеля. В 1762 году, когда на российском троне воцарилась Екатерина, он получил титул литовского мечника. В 176З году Андрей женился на Павлине Шембек, до этого дважды овдовевшей после смерти своих престижных мужей из родов Лубенских и Потоцких.

В этом же году вторично женился отец Андрея, овдовевший двумя годами ранее. Мачехой Андрея и спутницей жизни Тадеуша в старости стала Ядвига Залуская из династии магнатов, история которой началась в Мазовии и тесно переплеталась с судьбами династии Огинских. У двоюродного брата Ядвиги Яна Проспера Залуского было небольшое имение в Ясенице, в Санокских землях, располагавшихся в предгорьях Карпат, на полпути между Краковом и Львовом. В 1745 году Яна Проспера убили пьяные солдаты, ворвавшиеся в управу города Санок. В 1756 году сын Яна, Игнаций Залуский, женился на Марианне Дембинской. Ее пер-

вым мужем был Зыгмунт Лубенский, из той же династии, что и первый муж Павлины Огинской. Во время этого брака Дембинская стала владелицей Ойцовского замка. Лубенский умер в 1754 году. Таким образом, Игнаций унаследовал, кроме Ясеницы и некоторых других имений, Ойцовский замок. Этот внушительный замок, новое место пребывания семьи Залуских, стоял на холме над удивительно живописной долиной реки Прондник, к северо-западу от Кракова. После давно назревшей реставрации Ойцув превратился в роскошную резиденцию, средоточие культурной жизни, музыки, смеха, многочисленных гостей и целой армии управляющих и слуг.

Тогда как Варшава находилась в сфере влияния России, Малой Польшей – южной частью Польши с центром в Кракове – верховодила Австрия. В 1764 году, в год коронации Станислава Августа, Игнация Залуского избрали в сейм. В связи с этим ему приходилось больше времени проводить в полной событий, суматошной Варшаве, где располагалась публичная библиотека Залуских.

У истоков создания этой замечательной коллекции книг стоял епископ Андрей Хризостом Залуский, родившийся в 1648 году. Он доводился братом отцу Яна Проспера – Иерониму Залускому. Третий брат Кароль был отцом Ядвиги Залуской, жены Тадеуша Огинского. Андрей Хризостом был не только страстным библиофилом всю свою жизнь, он также служил канцлером при короле Яне III Собеском и являлся

епископом киевским, плоцким и варминским. В 1711 году, в год своей смерти, он завещал книги двум своим племянникам, сыновьям еще одного брата – Александра. Андрей Станислав, впоследствии епископ плоцкий, хелмский, затем краковский, родился в 1695 году и умер в 1758-м. Его памяти посвящены барельеф и маленькая часовенка в Вавельском соборе в Кракове. В 1701 или 1702 году родился его брат Юзеф Андрей. Позднее король Станислав Лещинский, герцог лотарингский и тесть французского короля Людовика XV, сделал его своим канцлером. Юзеф Андрей являлся также епископом киевским и на этом поприще завоевал известность тем, что завез в Польшу картофель, впоследствии ставший основным продуктом питания поляков, а также основал ковровую мануфактуру. Если коснуться музыки, то можно упомянуть, что в 1761 году он освятил костел Посещения Пресвятой Девы Марии в Краковском предместье – тот самый, где семьдесят лет спустя подросток Шопен часто играл на органе. Настоящим детищем братьев Залуских стала публичная библиотека: оба страстные библиофилы, они всю жизнь заботились о книжной коллекции дяди и постоянно обновляли ее. В 1747 году, воодушевленные идеями Просвещения, братья подарили библиотеку государству. Все 180 тысяч томов были размещены во дворце на улице Медовой, и население получило к ним свободный доступ. Таким образом, коллекция превратилась в первую и в то время крупнейшую публичную библиотеку мира. Король относил-

ся к библиотеке Залуских как к национальному достоянию, весьма нужному для просвещения и прогресса. В 1780 году он издал указ, согласно которому все издатели были обязаны передавать в библиотеку одну копию каждой изданной в государстве книги.

Вид на библиотеку Залуских. Художник З. Фогель, 1801

Игнаций и Марианна Залуские делили свое время между Варшавой, Ойцувом и своим краковским домом на улице Святого Яна, в котором 15 апреля 1760 года родился Теофил Войцех. Теофил воспитывался в Ойцуве. Его первым наставником был священник-француз Антоний Камелен, быв-

ший каноник Киевского кафедрального собора, на который распространялось епископство Юзефа Андрея Залуского до смерти последнего в 1774 году. Когда Теофил подрос, отец иногда брал его с собой в Варшаву.

После первого раздела Речи Посполитой в 1772 году ойцовские Залуские стали австрийскими подданными, проживающими в провинции Галиция, и в 1776 году Теофила направили учиться в Вену в военную академию Терезианум. Это престижное учебное заведение на Фаворитенштрассе было основано императрицей Марией Терезией для воспитания отпрысков благородных семейств Габсбургской империи в патриотическом проавстрийском духе. 28 марта того же года императрица Мария Терезия подписала грамоту о пожаловании Игнацию Залускому графского титула, который, хотя и передавался по наследству, автоматически достался 16-летнему Теофилу. Залуские отправились в Вену, чтобы присоединиться к сыну на торжественной церемонии.

В 1777 году граф Игнаций Залуский умер в Варшаве, оставив Теофила и имение в Ойцуве на попечение своей хозяйственной и энергичной супруги. Графиня Марианна сделала все, чтобы Теофил вырос обаятельным, культурным и образованным человеком, достойным членом магнатских родов. Кроме того, она стремилась заинтересовать сына политикой. На следующий год Теофил закончил Терезианум и возвратился в Ойцув, чтобы обдумать перспективу политической карьеры, то есть возможность пойти по стопам отца.

В Варшаве тем временем Андрей и Павлина Огинские вели активную и насыщенную событиями жизнь. У них имелись поместья в Троках и Гузове. Главное местопребывание их было в Гузове, километрах в пятидесяти к юго-западу от Варшавы. Там, в год Коронации, у них родился первый ребенок – дочь Юзефа, а 25 сентября 1765 года родился сын Михал Клеофас. Когда вся семья, включая Феликса – сына Павлины от брака с Лубенским, состоялась, а впереди уже ждала дипломатическая карьера, король удостоил Андрея Огинского ордена Белого Орла и личного ордена Святого Станислава.

Павлина из рода Шембеков, княгиня Огинская, мать М. К. Огинского

Идеи короля о строительстве новой Польши почти повсеместно встречали сопротивление. Многим магнатам перемены были не по душе, они противились любым проявлениям просвещения и прогресса и делали все, чтобы расстроить планы монарха по созданию динамично развивающегося и политически зрелого современного государства. Более того, прусский король Фридрих и российская императрица Екатерина также относились к этим планам с некоторым беспокойством и внимательно следили за событиями. Польша, способная сама о себе позаботиться и оставить собственный след в истории, в их расчеты не входила. Станислава Августа почти не обескуражило, что оба монарха уже закладывали основы для своего будущего прозвания «Великий» и «Великая». Но собрание, организованное Юзефом и Казимиром Пуласкими и епископом Адамом Красинским в небольшом городке Баре на Украине, его, безусловно, встревожило. Собравшиеся там обсуждали, какими способами и средствами избавиться от короля Станислава Августа и восстановить статус-кво старой саксонской системы правления, правда, с некоторыми туманно обозначенными корректировками. По существу, состоялась дилетантская болтовня без каких-либо реальных предложений, однако идея изменить политический облик Польши вышла в свет. Так была создана так на-

зываемая Барская конфедерация.

Конфронтация как таковая между королем и конфедератами походила на игру, правила и цели которой были плохо понятны всем участникам. Король считал конфедерацию досадной глупостью, тогда как сами конфедераты в своей политике, казалось, опирались и на обновленные, усовершенствованные реакционные старые взгляды, и на новое, революционное мышление, отнюдь не сильно разнящееся от умонастроений короля. Все больше магнатов стало вступать в конфедерацию, даже французы проявляли к ней интерес и направили финансовую и военную помощь конфедератам. Екатерина хотела, чтобы Станислав Август подтвердил «политическую правильность» данной ему власти и высказался против конфедерации. Король больше всего опасался гражданской войны, поэтому, подумав, он решил отодвинуть проблему на задний план и, как и раньше, продолжать реформы. В 1769 году, учитывая свои все более натянутые отношения с Екатериной, король Станислав Август отправил в Санкт-Петербург Андрея Огинского в качестве полномочного посла. Миссия Андрея была очень непродолжительной, угроза со стороны конфедерации являлась ее главной проблемой, и вскоре Андрей возвратился, чтобы доложить своему королю о позиции Екатерины в связи с возникшей ситуацией. Позиция была достаточно прозрачной: с Барской конфедерацией следует покончить.

После возвращения из Санкт-Петербурга Андрей взял

Михала Клеофаса с собой в Варшаву, где представил его все более гонимому королю. В духе того времени король Станислав Август поставил мальчика на стол, внимательно рассмотрел его со всех сторон, словно анализируя под микроскопом некое любопытное существо, и задал ему пару банальных вопросов, в основном о Священном Писании. Михал Клеофас четко ответил на все вопросы к полному удовлетворению короля. Когда его спросили, кем он собирается стать, когда вырастет, Михал Клеофас без колебаний ответил: «Я хочу служить своей стране и своему королю, но я не хочу быть королем, так как люди говорят, что Ваше Величество очень несчастны». Немного ошеломленный король не нашелся, что ответить, но Михал Клеофас заметил и позднее записал в своих дневниках, что на глаза монарха навернулись слезы.

Между тем Барская конфедерация не собиралась уходить с авансцены и в октябре 1770 года, при попустительстве французов, односторонне объявила о свержении Станислава Августа с престола и образовании нового правительства. Это уже вышло за рамки терпения короля, которое и так было на исходе из-за возраставшего гнева Екатерины. Российская императрица снарядила армию во главе с молодым генералом Александром Суворовым и отправила ее на выручку монарху Речи Посполитой, которому ничего не оставалось делать, как приказать своим войскам присоединяться к русским.

Вторжение Екатерины в Речь Посполитую прикрывалось предлогом оказания «защиты». Угроза с запада имела другие цели: король Пруссии Фридрих самым бессовестным образом проявлял свои амбиции – завоевать страну, особенно ее северо-западную часть, называемую Великой Польшей, в центре которой, в Познани, поровну смешалось польское и немецкое население. Кроме того, этот регион разделял Восточную Пруссию и собственно Пруссию. Пока русские оказывали «защиту» на востоке, Фридрих видел перед собой две возможности: во-первых, ввести войска в регион, и во-вторых, привлечь на свою сторону австрийцев, предложив им урвать, с его благословения и с благословения русских, кусок Южной Польши на том основании, что Польша была неуправляемой и ее следовало спасать от самое себя. Кроме того, Малая Польша, где проживали и верховодили такие проавстрийски настроенные магнаты, как Залуские, находилась почти что на заднем дворе Австрии. Императрица Мария Терезия, немного поколебавшись, все же сделала выбор в пользу тех преимуществ, которые сулило ей расширение ее многонациональной империи. Станислав Август понял, что против него объединились три державы, поэтому, хотел он того или нет, часть территории Речи Посполитой будет аннексирована. Чтобы сохранить мир, он выбрал дипломатию, а не гражданскую войну, которой опасался больше всего. Самым подходящим переговорщиком в этой ситуации, по его мнению, был Андрей Огинский, поэтому король назначил

его полномочным послом в Вене для надзора за мирной аннексией Австрией польских земель.

В начале 1772 года семейство Огинских, включая детей – Юзефу, Михала Клеофаса и, вероятно, их сводного брата Феликса Лубенского, – выехало из Варшавы и по 800-километровому, часто используемому мятежниками пути направилось в австрийскую столицу. С ними ехал эскорт из 2000 поляков и татар под командованием гетмана Ксаверия Браницкого, к которому позднее присоединился воинский контингент русских, руководимый генералом Суворовым. Заснеженная дорога вела из Варшавы на юг, к Кракову, затем поворачивала на юго-запад и, не меняя направления, шла через Бескидский перевал до города Бельско-Бяла, потом к границе с Австрийской империей, по лесистым холмам Моравии и далее к Вене.

Путешествие не обошлось без неприятностей. Во-первых, все время дул пронизывающий ветер, и во-вторых, мятежные конфедераты устроили засаду на конвой. Силы оказались неравными, мятежникам трудно было тягаться с солдатами Браницкого и Суворова, поэтому их быстро окружили и взяли в плен. Инцидент оказал глубокое воздействие на детей. Хотя Суворов всегда улыбался им, поглаживал по голове и угощал яблоками, он перепугал их до смерти. Его устрашающая внешность затушевывала тот факт, что в действительности он любил детей, а то, как российский военачальник обращался с пленными, повергло Михала Клеофаса

в растерянность и уныние. Страдания, написанные на лицах мальчиков, когда они видели, как закованных в цепи пленников волокли по снегу и избивали, дали повод для пересудов среди солдатни, основная масса которой не отличалась состраданием и жалостью.

К исходу зимы Огинские целыми и невредимыми добрались до столицы империи Марии Терезии. После того как они оставили Польшу в полнейшем хаосе, последние очаги сопротивления конфедератов были подавлены, статус-кво восстановлено, а русские войска остались на польской земле в режиме ожидания на случай каких-нибудь новых беспорядков. 5 августа 1772 года был согласован первый раздел Речи Посполитой. Екатерине досталась большая часть северо-восточных земель Великого Княжества Литовского, Фридрих восполнил недостающий сегмент Пруссии – но без городов Гданьска и Торуни, а Мария Терезия, после переговоров с Андреем Огинским, заполучила южную оконечность территории, впоследствии известную как Галиция.

Когда положение в значительно сокращенной по своим размерам Речи Посполитой стабилизировалось, Андрей Огинский решил заняться образованием детей. Юзефа, которой уже исполнилось восемь, как и подобает девочке, поступила в Салезианеринненкирхе – монастырь ордена посещения Святой Марии на улице Ренвег, а Михалу Клеофасу (и, вероятно, Феликсу) стали подыскивать наставника, который смог бы подготовить его к активной светской жизни

польского землевладельца. Прерогативой на профессию наставника обладали почти исключительно французы, которые монополизировали прибыльный и очень удобный центрально- и восточноевропейский рынок. Среди них были как махровые реакционеры, с худшими проявлениями религиозного фанатизма, так и истинные плоды Просвещения, вдохновленные трудами Руссо, Вольтера, страстные поклонники революционных гуманистических идей, распространенных в среде западноевропейских интеллектуалов. К последним принадлежал Жан Ролей, и выбор Андрея пал именно на него. Жан Ролей родился в 1735 году, он успешно справился с задачей воспитания второго сына императрицы Марии Терезии Леопольда, эрцгерцога, великого герцога Тосканского и наследника трона Габсбургов.

Князь Андрей Огинский

Ролея официально представили застенчивому, черноволосому, кареглазому, толстоватому и приземистому, неуклюжему малышу семи лет от роду. Он мог читать и обладал некоторыми познаниями в Священном Писании, что уже являлось хорошим началом. Сначала надо было как-то уменьшить его вес и исправить осанку. Мальчик весил слишком много для своего возраста, мало и вразвалку двигался, поэтому Ролей решил включать в его рацион много фруктов, но совсем мало мяса. Во время продолжительных прогулок по улицам Вены и вдоль ее крепостных валов, которые сочетали в себе физическую нагрузку и экскурс в историю, Ролей показал мальчику исторические здания города, включая ансамбль дворца Хофбург, и поле битвы за городскими стенами, где король Ян Собеский помогал спасать венцев от турецких завоевателей в 1683 году. Михал Клеофас зачарованно слушал эти уроки истории, особенно если в них рассказывалось о Польше.

Несколько месяцев спустя Михал Клеофас, постройнев и изменив походку на более грациозную, вернулся со своей матерью и, вероятно, Феликсом в Варшаву. Ролей их сопровождал. Андрей еще год оставался в Вене, пока не закончился срок его полномочий. Когда он возвратился вместе с Юзефой домой, король пожаловал ему титул сенатора-кастеляна Трок. Все в тех же Троках был воеводой его отец. Андрей также получил старостат к югу от Вильно, в Ошмянах, где

находилось поместье Огинских.

В Гузове Ролей серьезно взялся за образование Михала Клеофаса. Мальчик оказался очень сообразительным, заставлять его учиться почти не приходилось. На первом этапе Ролей считал важными не книги, а скорее практические занятия: выполнение масштабных чертежей садов и комнат помогало юному Огинскому глубже понять географию и геометрию, а продолжительные прогулки в поле и в лесу сочетали физическую нагрузку с изучением вошедших тогда в моду ботаники и зоологии. Решение повседневных денежных вопросов послужило основой для приобретения математических знаний. Кроме того, Ролей познакомил Михала Клеофаса с баснями Лафонтена, и мальчик выучил многие из них наизусть. Они открыли ему путь во французскую литературу, которая стала его настоящей страстью в зрелые годы.

Ролей всегда помнил, что Михал Клеофас был поляком, и тогда как многие французские наставники того времени стремились превратить своих воспитанников в молодых французов, он мудро решил направлять своего ученика по польской стезе и привил ему крепкое чувство гордости за свои корни Поляка и Литвина. Основы истории Михал Клеофас познавал в ходе чтения книг о героическом прошлом Речи Посполитой, которые оказывали на мальчика сильное воздействие – в немалой степени обусловленное той ужасной несправедливостью, с которой часто сталкивались люди из самых разных слоев общества. Тем самым Ролей заложил ос-

новы всепоглощающего интереса Михала Клеофаса к польской истории и литературе. Он также отдал должное приверженности своего подопечного к определенным, распространенным по всей Европе, особенно среди молодых людей, идеям: крепкому чувству сострадания к себе подобным существам, будь то шляхта или крестьяне, соотечественники или иностранцы, – идеям, послужившим толчком к возникновению якобинского движения во Франции.

Один раз чувство сострадания изменило Михалу Клеофасу, и этот случай послужил ему горьким уроком на всю жизнь. Однажды, будучи в мрачном расположении духа, он обругал и ударил одного из слуг. Учитель пришел в ужас, когда узнал об этом. Созвав всех работников поместья в зале, Ролей приказал мальчику опуститься на колени перед жертвой его гнева на виду у всех присутствовавших, поцеловать ему ноги и попросить прощения. Михал Клеофас выполнил приказ, потом убежал к себе и долго горько плакал, не столько из-за перенесенного унижения, сколько от понимания полной ошибочности и недостойности своего поступка.

Через два года после приезда Ролея в Гузов было решено учить Юзефу игре на клавесине. С этой целью пригласили талантливого молодого музыканта Юзефа Козловского. Козловский родился в Варшаве в 1757 году, начинал свою музыкальную карьеру хористом и музыкантом в костеле Святого Яна, после чего играл в капелле Юзефа Стемпковского,

воеводы Люблина, в его поместье в Лабуни. Уроки музыки, преподаваемые Юзефе, очень нравились Михалу Клеофасу, поэтому он настоял, чтобы ему их также давали. Ролей не стал возражать, хотя «учебная программа» Михала Клеофаса стала более углубленной, акцент в ней сместился с практических на теоретические занятия, а это значило, что день был заполнен очень плотно.

Имение Огинских в Гузове

Михал Клеофас скоро стал отлично играть на клавесине,

он легко освоил этот инструмент, хотя до виртуозности ему было далеко. Козловский уделял больше внимания композиции, нежели исполнению. Это передалось Михалу Клеофасу, техника игры которого стала вполне позволять ему сочинять музыку. Он начал проявлять способности к импровизации. Козловский раскрыл Михалу Клеофасу основные, самые интересные, по его мнению, принципы композиции и теории. В остальном он, как и Юзефа, исполнял те клавирные произведения, которые имелись, а имелось их немного. Король, страстно покровительствуя литературе и живописи, музыкой особенно не интересовался, и в результате на ее развитие в Польше времен Станислава Августа выделялось мало средств. Саксонские предшественники короля, которые содержали процветающие капеллы в Дрездене, в этом отношении делали гораздо больше.

Это не значит, что в некоторых польских семействах музыка не процветала, несмотря на то что местный сценарий развития музыкального искусства и был несравним с немецким, австрийским, французским и итальянским. В тех странах царствовала опера, и классика поднялась до славных высот. Большинство магнатов нанимали иностранных капельмейстеров и музыкантов, особенно востребованными в Польше как исполнители, капельмейстеры и учителя были итальянцы: их вполне устраивала безбедная жизнь среди магнатов, очень почитавших итальянскую культуру и за счет которых можно было хорошо поживиться.

В Варшаве у графа Марцина Любомирского был самый лучший в городе музыкальный салон. Любомирский удивительно сочетал в себе качества просвещенного любителя музыки и беспутного кутилы. Его дворец являлся одновременно как средоточием некоторых пороков, так и самым известным в столице центром музыкальной жизни, в котором регулярно давались концерты, открытые для публики.

Среди женщин, которые по тем или иным причинам посещали его дворец, была дочь люблинского воеводы Юзефа Стемпковского. Хонората Стемпковская, одна из самых больших светских знаменитостей Варшавы, славилась своей красотой, проницательным умом и кокетливыми манерами. Своей бесоватой юностью она привлекла внимание столь же бесоватого Марцина Любомирского. За увлечением последовала женитьба, и вскоре после свадьбы отец Хонораты пригласил в свою придворную капеллу в Лабуни молодого Юзефа Козловского, еще до того как этот молодой мастер игры на клавишных инструментах переехал в Гузов, чтобы взять под свое учительское крыло Михала Клеофаса Огинского.

Брак Хонораты оказался непродолжительным и скоро распался. Причиной, вероятно, послужил горячий и пылкий юноша, приехавший в Варшаву из Ойцува в поисках карьеры. Его звали Теофил Залуский, ему принадлежали особняк на Старомястской площади № 58 в Варшаве и ряд поместий на юге страны. В 1784 году Теофил женился на Хонорате и

со своей женой возвратился в Ойцов.

Прекрасную музыку можно было услышать в Литве: там музыкальные традиции были гораздо богаче, чем в королевской Польше. В Слониме у князя Михала Казимира Огинского, великого гетмана литовского и дальнего родственника Огинских из Гузова, была, пожалуй, самая просвещенная музыкальная сцена во всем объединенном польско-литовском государстве.

Михал Казимир родился в Варшаве в 1728 году и провел юность во Франции при дворе Станислава Лещинского, одно время бывшего королем Речи Посполитой. Михал Казимир научился играть на скрипке, кларнете и арфе, для педального механизма которой он, используя свое инженерное образование, придумал некоторые технические усовершенствования, а парижская фирма «Эрар», производившая фортепиано и арфы, внедрила их на практике. Он также написал статью про арфу для знаменитой энциклопедии Дидро.

Период между 1771 и 1788 годами был золотым временем для музыки и театра в Слониме. В своем частновладельческом оперном театре Михал Казимир создал две оперные труппы: одну польскую и одну итальянскую, дополнил их балетной школой и постоянным оркестром, а также основал школу для местных детей, для которых он писал или ставил пьесы: постановка «Пигмалиона» Руссо на французском языке этому примером. Первая написанная Михалом Казимиром опера называлась «Брошенные дети», потом он

создал оперы «Изменившийся философ», «Положение сословий», «Елисейские поля», «Цыгане» и «Силы мира». В 1765 году Михал Казимир написал балет в ознаменование первой годовщины коронации Станислава Августа. Писал также песни и клавирную музыку; полонезы и мазурки как два главных танца, лежащие в основе польской музыкальной культуры, занимали в его сочинениях особое место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.